

Культура

Баланчин
пермского периода

Светлана НАБОРЩИКОВА

Кульминация музыкального фестиваля Crescendo ознаменовалась синтезом искусств. В сопровождении Государственного академического большого симфонического оркестра под руководством Владимира Федосеева (дирижер — Валерий Платонов, солист — арт-директор фестиваля Денис Мацуев) танцевала балетная труппа Пермского театра оперы и балета. На вечере, прошедшем под знаком Чайковского и Баланчина, были исполнены «Серенада» на музыку «Серенады для струнного оркестра» и лауреат «Золотой маски-2003» Ballet Imperial на музыку Второго фортепианного концерта.

Баланчина уральцы танцуют давно. Еще в конце восьмидесятых, когда на отечественные сцены хлынул поток пиратской хореографии, в Перми поставили «Серенаду», за короткое время ставшую одним из самых успешных спектаклей пермского балета. В середине девяностых забрезжила возможность получить Баланчина вполне легально, через фонд, распорядившийся наследием хореографа. Проект, как часто бывает в России, был продвинут титаническими усилиями талантливой одиночки. Бывший солист театра, ныне ученый-философ Олег Левенков, увлекшись Баланчиным, заразил своим энтузиазмом руководство и спонсоров. В 1996 году в Пермь приехали эксперты фонда, удостоверившиеся, что качество труппы позволяет адек-

ватно исполнять сочинения мистера Би, а вслед за ними прославленный солист NYCB Адам Людерс, выписанный для постановки «Кончерто барокко». Сегодня в баланчиновском активе уральцев пять сочинений, в том числе «Доницетти-вариации» — образчик высшего пилотажа баланчиновской техники, и «Сомнамбула», доказывающая, сколь блестяще мастер бессюжетных балетов умел делать сюжеты. Американские специалисты ездят в Пермь с удовольствием, а о работе с пермяками говорят в превосходных степенях. «Они не только отлично обучены, но еще и очень восприимчивы», — неожиданно (речь шла о Баланчине в Большом театре) вспомнил Людерс пермских танцовщиц в беседе с автором этих строк. Разговор состоялся после репетиции в БТ, где постановщик безуспешно пытался объяснить девушкам Большого, как нужно танцевать «Кончерто...».

Последнее приобретение уральцев, «Серенада» (ранняя, нелегальная не в счет) представлена на «Золотую маску-2004» в двух номинациях — лучший спектакль и

лучше утверждают, что Кулагина — одна из лучших исполнительниц за всю историю спектакля. А в «Серенаде» очень хороша молодая Ярослава Араптанова, утонченностью и углубленностью напоминающая юных баланчиновских муз. Что касается московского спектакля, то пермские девушки танцевали его бесшумно (какое удовольствие отдохнуть от грохота пуантов их столичных коллег!) и медленнее, чем обычно. Дирижер Платонов опростетчиво дал «подышать» Федосеевскому оркестру и осадил полетную легкость, которой пермяки пленили летом в Петербурге. В Ballet Imperial осторожность дирижера перекрыл недожженный темперамент Дениса Мацуева, давнего партнера пермских артистов. ПIANIST выступил без каких-либо оглядок на сцену, что заранее входило в условия игры («Играйте так, будто вы на концерте, танцовщицы пойдут за вами», — просили лауреата репетиции). Пиетет перед музыкальной основой дал впечатляющий результат. Пермский вариант «Императорского балета» поразил двумя, на первый взгляд, несовместимы-

Уральский балет выступил
на Новой сцене Большого театра

лучшая женская роль. Елена Кулагина, танцующая солистку, — выбор, бесспорно, достойный, хотя заявлена балерина, скорее, по совокупности заслуг. Ее самая выдающаяся баланчиновская партия, Сомнамбула в одноименном спектакле 2002 года, почему-то ускользнула из поля зрения экспертов национальной премии, хотя американцы в один го-

ми вещами. Был абсолютно упорядочен, лаская глаз геометрической выверенностью перестроений, и в то же время текуч, как бурный поток. Иными словами, уральцам удалось соединить петербургскую величавость и американскую стремительность, чью торжественную смычку собственно и задумывал мистер Би.

В июне пермский балет приехал в Петербург, на фестиваль «Век Баланчина», который Мариинский театр устраивал в честь 100-летия своего блудного сына. Первый же балет, «Серенада», поверг искушенного петербургского зрителя в радостный шок, после «Кончерто барокко» начались овации, по завершении «Сомнамбулы» зал встал. Позже, на приеме в честь уральской труппы, баланчиновская муза Мэрил Эшли начала было благодарственную речь и вдруг расплакалась. «Это Баланчин, подлинный Баланчин», — только и смогла произнести она сквозь слезы. Впрочем, то, что пермский Баланчин — явление, очевидно и без признания примы-балерины. Артисты могут танцевать блистательно, как летом в Петербурге, могут чуть хуже, как на этот раз в Москве, но неизменно в соответствии с тем, что Фонд Баланчина именует стандартами его стиля. За прозаичной формулировкой кроются важные для понимания пермского прорыва вещи: отчетливая точность формы в целом и фразы в частности плюс жесткая определенность темпа и ритма. Все в комплексе обеспечивает поразительную музыкальность исполнения, а в итоге неожиданный, но наверняка предусмотренный маэстро результат. Эти лишённые игрового драматизма, полностью подчинённые музыкальной структуре балеты получаются в сто крат более эмоциональными, чувственными и задушевными, чем самые жестокие мелодрамы. Уральцы танцуют именно такого Баланчина. Спасибо им за это.

